

НИКОЛАЙ НИКАНДРОВ

ЕСЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

В нашем таежном углу хорошая книга была объектом своеобразного промысла, поскольку она передавалась, как драгоценность, из рук в руки, сроки возвращения жестко оговаривались, а сознательно “зачитавший” переданный экземпляр оказывался в жесткой осаде отлучения. Залистанная до дыр, с оторванными корешками и почерневшими уголками страниц книга не нуждалась в какой-либо рекламе. На романы Жюль Верна, Дюма, “Молодую гвардию” Фадеева или “Двенадцать стульев” устанавливались длинные очереди.

Нам, троим однокашникам из 5-го Б – Сереге Назарову, Сашке Макаренко и мне – посчастливилось стать обладателями невероятного раритета – сборника стихов Сергея Есенина. Перетянутую белой резинкой пачку засаленных страниц, без обложки, каждая страница на особицу, с невероятной предосторожностью передали нам буквально на сутки. Мы честно разделили сборник на три равные части, каждый переписал свою треть в школьную тетрадку. Завернутый в газету “сборник” мы вернули в срок благодетелю – кошегару котельной Никите. А позднее, уже каллиграфическим почерком, переписали друг у друга стихи, совсем не похожие на известные нам тексты Светлова или Исаковского. Об опальном поэте мы кое-что знали.

Важные знания мы получали не только на школьных уроках. Книги, радио и кинофильмы учили нас по-настоящему любить Родину, бороться за ее свободу и независимость, дружить, любить и ненавидеть. Заметно расширяло наш кругозор постоянное присутствие лагерного окружения.

Общение с узниками Краслага было разнообразным и весьма плодотворным. Бесконвойный слесарь в школе, расконвоированный сезонник на сенокосе или подсобном хозяйстве, истопник в поселковом клубе или просто осевший в поселке освободившийся зэк неизменно притягивали внимание местной ребятни. Бывалый, а подчас и основательно эрудированный лагерник умел выразить свою мысль кратко и емко. Наше воображение зашкаливало: ведь с тобой на полном серьезе общается живой участник и свидетель

НИКАНДРОВ Николай Иванович родился в 1937 году в селе Решоты Красноярского края. Служил в армии на Тихоокеанском флоте. Окончил историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Работал учителем в средней школе, преподавателем в профтехучилище, в вузе. Служил на оперативной работе в КГБ СССР, полковник в отставке. В настоящее время является редактором “Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных Россией в период Второй мировой войны”. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

неведомой, протекающей где-то за пределами охраняемых зон и рабочих площадок Краслага жизни.

Для нашей троицы из 5-го Б котельная поселкового клуба стала чем-то вроде “просветительного” салона. После уроков, а то и вместо них, мы спешили туда, помогали кочегару-бесконвойнику Никите загрузить дровами топку, рассаживались на поленнице “швырка” и терпеливо ждали, когда он вытрет ветошью руки и начнет читать стихи Есенина.

Голос Никиты был далек от рокота диктора Левитана или киноартиста Дружников, но мы в который раз взахлеб слушали волшебные послания поэта своей матери и собаке Качалова. Тайком перемигивались, когда Никита с пафосом начинал “Сыпь, гармоника. Скука, скука...”

Рассказы о скандалах поэта в ресторанах, особенно за границей, заметно поднимали волну наших симпатий к поэту.

Иногда рассказчика заносило, он начинал рассуждать о каком-то имажинизме, футуризме. Но, обнаружив спад нашего интереса к новой теме, обиженно затухал, погружался в некую прострацию.

С его слов было известно, что он учился в каком-то университете, изучал историю и литературу, а здесь тянул “десятку” по 58-й, за длинный язык. Никита наконец рискнул, передал-таки нам на короткий срок разлохмаченную книжку Есенина.

На этот раз морозным вечером мы возвращались с катка.

Как обычно, разговаривали во все горло. И возник между нами заполосный спор по поводу самоубийства поэта. Никита однажды проговорился, что Есенина, возможно, убили те, кто ненавидел Россию. И мы разошлись в оценках коварства и вероломства внутренних врагов.

За нашими спинами, как из преисподней, возникла внушительная фигура незнакомца, пожелавшего выяснить, о ком это идет такой жаркий разговор.

Мужик выглядел вполне интеллигентно: модное распахнутое полупальто типа “москвичка”, галстук, терпкий аромат “Шипра” и сивушных паров.

Он так и спросил: не “о чем”, а “о ком”. Это уже не “кураж” местного дяди. Но мы, потеряв бдительность, с некоторым вызовом назвали имя Есенина, которое на незнакомца подействовало странным образом. Мгновенно двое из нас были намертво схвачены за отвороты телогреек с тем, чтобы, по словам верзилы, проследовать “куда следует”.

Оставшийся “на свободе” Серега, малый не хлипкий, врезал странному гражданину своим увесистым портфелем (а в нем учебники и пара коньков “дутьшей”) по загривку. Тот бросился за убегающим обидчиком, но хромоты сапоги заскользили на железнодорожной наледи. Мужик не удержался на ногах и, грязно матюгаясь, капитально грохнулся в полный рост. Мы с Сашкой мгновенно нырнули под вагоны стоящего состава и сделали немалый крюк, обходя станционные здания, где располагался известный местным абorigенам оперативный пункт. Там круглосуточно дежурили бравые ребята из “мангруппы”. Они регулярно осматривали прибывающие из тайги вагоны с лесом в целях обнаружения беглых, вознамерившихся выскочить на просторы Транссибирской магистрали.

С Серегой мы встретились у входного семафора и попытались оценить ситуацию. Мужик основательно бухой, это ясно. Возможно, хотел просто погулять, но немного переиграл. А если бы приволок в комнату опергруппы?

Тогда пришлось бы объяснять, почему это нас, советских пионеров, увлекает творчество кулацкого поэта. В лучшем случае каждому из задержанных отвесили бы на прощанье доброго “пенделя”, и этим закончилось бы дело.

А если бы закрутили серьезное дело? Если бы потянули ниточку до Никиты?

Наглое посягательство на Есенина требовало достойного отпора. В жилах клочкотала досада после пережитого унижения. Возможно, это была первая наша встреча с неприкрытой подлостью.

Возникла идея – надо все-таки отыскать этого типа. Он наверняка ошивается на вокзале в ожидании местного “экспресса”, называемого в быту “рабочим”. Что будем делать при встрече с матерым мужиком, обсуждать не стали.

Мы вновь сошлись у станционных стрелок, одетые в немыслимое тряпье и вооруженные штакетинами.

Решили попутно забежать в школьный интернат и привлечь к поиску наглого проходимца старшеклассников.

Потребовалась агитация среди тех, кто не знал даже имени поэта. Несведущим оболтусам были прочитаны “Сыпь, гармоника... Скука, скука”, “Мне осталась одна забава – пальцы в рот да веселый свист...” Стихи были восприняты на “ура”.

Во главе солидной ватаги возбужденных подростков мы ворвались в станционный зал ожидания, осмотрели все углы, обошли вагоны “рабочего” поезда, заглянули в подсобные помещения и даже в комнату опергруппы. Но наш персонаж в “москвичке” и в хромовых сапогах как сквозь землю провалился. Орава взбаламученных нами пацанов в течение получаса, то есть до отправления местного “экспресса”, безрезультатно утюжила перрон и здание вокзала. После отхода поезда и недолгого перекура интернатские, разочарованные пустым нашествием, слегка переругиваясь, отправились в свой барак. А мы, незадачливые мстители, не находя сил достойно покинуть поле проигранного сражения, продолжали анализировать положение и не могли ему найти внятного объяснения.

Наконец рассудительный Серега Назаров, выросший в Магадане, где мотал срок его отец, подвел черту: “По-моему, этот тип перед нами просто куражился. И Есенин ему до фени. Пьет, небось, у какой-нибудь бабенки, а мы тут на стены лезем”.

Сашка, сын лагерного надзирателя, пытался возражать: “А чего же он лез за нами под вагоны?” Я принял сторону Сереги. И мы разошлись по своим хибарам.

Умер Сталин, на наших глазах прошла дикая амнистия, расстреляли Лаврентия Павловича, Никита Сергеевич разоблачил Иосифа Виссарионовича.

В отдельных лагерных пунктах начали снимать колючку, сносить вышки часовых. На дрова пустили лагерные заборы.

В открытой продаже появились одноклассники Есенина!

И вот бравым девятиклассником я отправляюсь в том же самом “рабочем экспрессе” к бирюсинским берегам навестить своего дядьку. Перелистываю приобретенный в пристанционном киоске сборник стихов Есенина и книжицу модного певца Ива Монтана “Солнцем полна голова”. Пожилой сосед с противоположной лавки, по всему – бывший лагерник, полистал мои приобретения и упрекнул: “С какого бодуна у тебя великий русский поэт оказался в одной компании с жалким французским водомутителем?”

Я в ответ нес что-то невразумительное и витиеватое о потребности постигать мир во всем многообразии. Сосед не возражал, только посмотрел на меня с затаенной лагерной тоской и пошел в тамбур покурить.